

Ростовская городская больница в 1797–1866 годах

К.А. Степанов

История становления и развития здравоохранения на Ярославской земле интересна, поэтому не случайно, что она постоянно привлекала и привлекает к себе внимание исследователей¹. Однако, деятельность стационара в Ростове Ярославской губернии после его открытия в приспособленном помещении и до передачи в ведение Ростовского уездного земства не изучена. Настоящее исследование должно восполнить имеющийся пробел в изучении темы.

О времени постройки городской больницы в Ростове в конце XVIII в. известно из билета, выданного петербургскому купцу Алексею Михайловичу Базарову Ростовским городским магистратом, в котором говорится, что в «деревянном доме его, состоящем в... Благовещенском приходе... отведена к помещению больных мужеска и женска пола десяти человек от сего числа на год больница декабря 10 дня 1797 г.»² Она стала третьим стационаром в Ярославской губернии после ярославского, с 1778 г., и рыбинского³, который, по-видимому, был открыт в том же году, что и ростовский, но из-за ветхости здания в «холодное время года» не работал⁴. Не случайно в 1806 г. купец Лаврентий Попов построил для него отдельное деревянное здание на каменном фундаменте⁵.

27 января 1804 г. в Ростовскую городскую шестигласную думу было направлено письмо Ростовской городской полиции, в котором сообщалось об уведомлении за № 159 от 11 января 1804 г. ярославского гражданского губернатора Михаила Николаевича Голицына в том, что «больница в городе Ростове помещается в тесном деревянном купеческом доме, где при том живет и сам хозяин... и, что пища для больных готовится в печках тех же покоев, где они живут»⁶. Это противоречило порядку о деятельности больниц, поэтому городская полиция предложила думе, чтобы «в самом скорейшем времени для больницы... отведен был особенный во всем достаточный дом, в котором для приготовления пищи имелась кухня с очагом и который бы никем более занимаем не был... и... соблюдены были все те правила, какие от врачебной управы на сей предмет предписаны»⁷.

В журнале Ростовской городской общей думы 16 ноября 1804 г. было записано о предстоящих в декабре 1804 г. в Ярославском губернском правлении торгах, на которые выставлялось для продажи «в здешнем городе Ростове в Леонтьевском приходе, что на Заровье каменном об одном этаже доме с землею умершего ростовского купца Михаила Кононова за вексельные на нем претензии»⁸. В этом здании тогда находилась городская

больница, и дом, по мнению думы, был довольно удобным для использования его под лечебное учреждение. В связи с этим, общая дума решила командировать в Ярославское губернское правление одного из гласных и купить здание на торгах за деньги в счет «доходов поступления быть имеющих в ярмарку 1805 года»⁹. Отношением за № 365 от 18 ноября 1804 г. городская общая дума уведомила губернатора М.Н. Голицына о своем постановлении от 16 ноября 1804 г. и просила у него разрешения на покупку с торгов строения, согласно существовавшему городскому положению (ст. 36, 154, 170, 177). Предложением за № 3522 от 22 ноября 1804 г. губернатор разрешил думе купить дом «на счет городских доходов для всегдашнего помещения больницы имеющий продаваться с публичного аукционного торга... и еже куплен будет, то в представляемых... отчетах показать пла-тежную сумму обстоятельно»¹⁰.

13 декабря 1804 г. гласные городской общей думы Матфей Кайдалов, Леонтий Серебренников, Иван и Гавриил Малышевы, Степан Ананьин и Григорий Бекренев записали в журнале думы, что гласный Иван Одинцов направлен в губернское правление на торги, где «по последней, даваемой им Одинцовым за показанный дом с землею цене остался за здешним обществом городским... за тысячу восемьсот двадцать пять рублей»¹¹. Об этом дума уведомила губернатора и Ростовский городской магистрат. На отправленный в губернское правление приговор местного магистрата 10 января 1805 г. поступил указ, где подтверждалась покупка дома под больницу за 1825 руб. (оценен на торгах за 1585 руб.), а также указывалось «об отсылке означенных денег... в городской магистрат»¹². 6 марта 1805 г. в журнале Ростовской городской шестигласной думы было записано сообщение общей думы от 11 января 1805 г. о необходимости перечисления в местный магистрат денег за дом Кононова. Учитывая это обстоятельство, а также нежелание кредиторов отсрочить выплату денег за строение, дума приказала: «...За... купленной для здешнего общества каменный дом с землею, деньги... для удовлетворения кредиторов отослать в Ростовский городской магистрат при сообщении из городских доходов с гласным Григорием Ерофеевым»¹³. О высылке денег в Ростовский магистрат городская шестигласная дума уведомила 7 марта 1805 г. губернское правление рапортом, который подписали городской голова Федор Мясников и гласные Федор Тимонов, Яков Щапов и Григорий Ерофеев.

Однако, купленный на торгах дом Кононова оказался в «ветхом» состоянии и требовал ремонта. 5 мая 1806 г. городская шестигласная дума, на основании осмотра здания, сделала запись в журнале о намеченных в доме ремонтных работах кровли, пола, оконных рам и решила сделать это «в ныне удобное время... прочною починкою»¹⁴. О принятом решении она сообщила губернатору, попросив у него согласия на проведение ремонтных работ в здании городской больницы. Предложением за № 965 от 18 мая 1806 г. губернатор затребовал у городской управы смету на ремонт

здания, чтобы знать, сколько «в больничном доме стоить будет... сообразно нынешним ценам»¹⁵.

На журнальном заседании городской шестигласной думы 25 сентября 1806 г. обсуждался вопрос о ремонтных работах в здании больницы, построенном в 1788 г. и в последующие годы не отремонтированном. Дума решила сделать ремонт, закупив материал и наняв плотников по существовавшим в Ростове ценам, и «употребить все возможное хозяйство к соблюдению городских доходов»¹⁶. Однако, несмотря на предложения больничного штаб-лекаря Петра Реля, она отказалась от замены оконных рам из-за наступающих холодов. Рапортом за № 326 от 25 сентября 1806 г. дума направила Голицыну смету на ремонт здания городской больницы на сумму 345 руб. 20 коп. и попросила губернатора разрешить начать работы осенью 1806 г., чтобы не допустить протекания дождевых вод во внутрь помещения.

По составленной смете на починку тесовой кровли дома нужно было 400 «тесниц» сосновых длиной 2-х и более саженой, а шириной от 7 до 8 вершков, стоивших по 17 руб. 80 коп за 100 шт. на сумму 71 руб. 20 коп. На починку полов — 40 «тесниц» длиной 2-х и более саж., шириной от 7 до 8 верш. по 17 руб. за десяток на 68 руб. Для подкладки под тес крыши драги — 400 шт. длиной 3 саж. по 5 руб. за 100 шт. на 20 руб. На перекладку под пол — 30 бревен сосновых длиной 3 саж. В отрубе 5 и 4 верш. по 23 руб. за 10 шт. на 69 руб. Для крыши гвозди «к тесы» — 2000 шт. по 6 руб. за 1000 шт. на 12 руб. В 10 «оконцев» сделать 10 деревянных рам по 1 руб. 50 коп. за раму на 15 руб. За 10 «оконниц стекольчатых» по 1 руб. 50 коп. за штуку на 15 руб. Плотницкие работы стоили 75 руб.¹⁷ Получив смету и приложение к ней по стоимости плотницких работ, губернатор предложением за № 1902 от 2 октября 1806 г. разрешил ремонтные работы при условии, чтобы «такая починка произведена была самым прочным образом»¹⁸.

Одноэтажное каменное здание больницы¹⁹ находилось в Заровском приходе в конце города и имело 5 комнат. Первая комната, с русской кирпичной кухонной печью, размером 5 х 6 арш и отдельным входом из коридора 2-мя окнами на Заровскую улицу, предназначалась для больничной кухни, вторая — 1 окном на эту улицу, размером 3 х 6,5 арш., и входом из коридора — больничной аптеки, третья — на эту же улицу и во двор имела 5 окон, была 7 х 7 арш., с голландской изразцовой печью, такой же лежанкой и входом из 2-й комнаты, служила квартирой лекаря, четвертая — угловая в 2 окна, 7 х 7 арш., с голландской изразцовой печью и отдельным входом из коридора — палатой на 5 кроватей и пятая — «на одном же развороте наугольная» 5 окон, 7 х 7 арш., с голландской изразцовой печью и такой же лежанкой с входом из коридора — на 5 коек²⁰. В доме были 2 кладовые 4 х 0,75 арш. с одним входом. При больничном корпусе имелся также новый деревянный флигель на 2 комнаты. Первая угловая, в 4 окна, 6,5 х 6,5 арш., была с узкой кухонной печью и входом из коридора, вторая, с окном через коридор, размером 6 х 4,5 арш., с голланд-

ской изразцовой печью, предназначались для больных, «которые заражены прилипчивыми как-то венерическими и другими болезнями»²¹.

Помещения, занимаемые больничным стационаром, нуждались в ремонте, поэтому не случайно гражданский губернатор М.Н. Голицын направил 8 января 1814 г. через штаб-лекаря Вебера предложение за № 80 на имя Ростовской городской думы (получено 16 января 1814 г.), в котором указал: «Желая привести человеколюбивые заведения сии в свойственное им устройство — предписываю городской думе, вместе с полицмейстером и местным врачом тот час освидетельствовать больницу и донести мне 1-ю почтою»²². При освидетельствовании больницы особое внимание обращалось на достаточность площадей, прочность постройки и расположение здания в удобном месте, наличие бани, кухни, и не менее трех чуланов, а также наличие необходимого количества вещей на 10 больных. В заключении отмечалось, что дума должна постоянно заботиться «о доставлении в больницу всего нужного, как-то пища, ветошек, уксуса, дров, свеч, услуги и мытья белья, а в случае прилипчивых болезней и купоросного масла для курения»²³.

Однако, несмотря на указания М.Н. Голицына, 23 августа 1815 г. на журнальном заседании городской думы был доложен указ губернского правления от 5 августа 1815 г., предписывающий: «Привесть в надлежащее действие предположение... полицмейстера и городского головы в... перемещения арестантов, по ветхости тюремного острога в дом, предназначенный под городскую больницу»²⁴. Таким образом, занимаемый городской больницей каменный дом был передан под тюремный острог²⁵, а для городской больницы дума предоставила небольшой деревянный флигель на два покоя, из которых в одном проживал лекарский ученик и находилась больничная кухня²⁶.

В 1818 г. состояние больничного дела в Ростове несколько раз проверял инспектор Ярославской врачебной управы Клейгельс, о чем рапортом за № 58 от 8 февраля 1816 г. доложил губернскому правлению, а потом губернатору Гавриилу Герасимовичу Политковскому (№ 128 от 27 июня 1818 г.), из которых известно, что приспособленный под больницу деревянный флигель очень маленький и оставлен «для помещения в нем больных арестантов»²⁷. В ответ на распоряжение губернатора о переводе больницы в другое здание, Ростовская дума летом 1818 г. отвела для нее «покои» 3-го этажа каменного дома внутри 10-го ряда, но, по мнению инспектора, «и сии покои ни с какой стороны не удобны для больницы»²⁸. В связи с этим Клейгельс просил содействия губернатора, который предложением от 6 июля 1818 г. указал думе «при посредстве ростовского штаб-лекаря отвести другой дом, который бы совершенно к тому был способен и находилось бы при нем все для больных необходимо нужное, как-то: особой двор, баня и прочее»²⁹. Но городская дума не спешила с поиском подходящего помещения для больницы, и в субботу 13 июля 1818 г. на заседании гласных Никифора Белокурова, Ивана Шапова и Кузьмы Голицына решила, что

покои для размещения больных будут предоставлены только тогда, «когда невозможно будет оных поместить в деревянном флигеле при каменном доме, занимавшемся прежде городской больницею, а ныне обращенном... в тюремный острог»³⁰. В связи с этим Клейгельс написал губернатору 14 августа 1818 г. новый рапорт за № 188, в котором сообщил, что не мог согласовать с Ростовской думой «улучшение заведений для страждущих и приведение их, по крайней мере в том состоянии, как они по предписаниям прежде были»³¹. Клейгельса и ростовского полицмейстера поддержало Ярославское губернское правление, которое указом «строжайше» предписывало городской думе построить «больницу по пространству удобную для помещения десяти кроватей»³².

2 ноября 1822 г. заведующий больницей штаб-лекарь Вебер написал требование в городскую думу о выделении с 10 октября по 1 ноября 1822 г. для больных Ростовской полицейской команды и «ищущей вольности девки» порционных денег (50 коп. за порцию), а всего 30 руб. за 60 порций³³. Рассмотрев 2 ноября 1822 г. заявление Вебера, дума решила выделить просимые деньги из городских доходов по записи в расход лекарскому ученику Смирнову. По ведомости за декабрь 1822 г., на лечении в городской больнице находились служители полицейской команды: Гаврило Федоров (с 1 декабря 1822 г. по 1 января 1823 г.), Иван Лапшин (с 3 декабря 1822 г. по 1 января 1823 г.), Тимофей Студнев (с 21 декабря 1822 г. по 1 января 1823 г.), Иван Лозинов и Яким Ангаров (оба с 26 декабря 1822 г. по 1 января 1823 г.)³⁴. Для содержания одного больного в больнице (на 11 февраля 1823 г.) было необходимо в сутки 2 фунта хлеба, 1 ф. говядины, 0,25 ф. овсяной и 1,25 ф.³⁵ гречневой крупы, 1 кружка кваса, 1/8 ф. масла «скоромного» и 1/8 ф. соли³⁶.

Примечательно, что в то время в больнице имелось меню, содержащее несколько «родов порций». Так, 1-й род состоял из «хороших щей» с полуфунтом говядины с 2-мя фунтами (далее ф.) ржаного хлеба, каши из гречневой крупы 1 ф. с 1/8 ф. коровьего масла и 2 кружек кваса; 2-й род – бульон из овсяных круп с полуфунтом говядины и 1,5 ф. белого хлеба, каша «размазня» из гречневой крупы 0,5 ф. и 2 кружки кваса; 3-й род – суп из 1 ф. телятины или курицы с манными или перловыми крупами с 1 ф. белого хлеба (все 3 стола из расчета на 1 человека)³⁷. Согласно расписке Вебера, с 1 июня по 1 июля 1823 г. через Михаила Мальгина от Ростовской думы в больницу было получено: 1 июня – ржаного хлеба 10 ф., белого 8 ф., говядины 4 ф., крупы гречневой 7 ф., овсяной 3 ф., коровьего масла 1 ф., ржаной муки 5 ф. и 5 ф. солода; 6 июня – ржаного и белого хлеба по 10 ф., говядины 3 ф., гречневой крупы 8 ф., постного и коровьего масла по 1 ф., сметков 1 ф. 11 июня – ржаного 10, а белого хлеба 7 ф., говядины 3 ф., гречневой 7, а овсяной 3 ф., коровьего масла 1 ф.; 14 июня – говядины 4 ф., соли и солода по 5 ф.; 16 июня – ржаного 10, а белого 7 ф., говядины 1 ф., крупы гречневой 10 ф., коровьего масла 0,5 ф.; 19 июня – ржаного 10, а белого 8 ф., сметков 1 ф., постного масла 1 ф.; 21 июня – ржаного

хлеба 20 ф., крупы гречневой 10 ф.; 26 июня – ржаного хлеба 20 ф., масла постного 1 ф., сметков 1 ф., гречневой крупы 7 ф., соли, солода и ржаной муки по 5 ф.; 27 июня – постного масла 1 ф., крупы овсяной 3 ф.; 30 июня – говядины 1 ф.³⁸ Для 11 больных, находящихся на лечении с января по март 1825 г., было затрачено на покупку порций 53 руб. 05 коп., медикаментов – 127 руб. 97,5 коп., погребение умерших в больнице – 9 руб. 52 коп., за набивку погреба льдом – 7 руб. 20 коп. и на приобретение разной посуды – 15 руб. 64 коп., а всего – 213 руб. 34 коп.³⁹

За тем, как содержались тогда больные, следил штаб-лекарь Вебер и гласный думы купец М. Мальгин. Так, во время очередной проверки больницы 2 мая 1823 г. они сделали запись о нахождении в ней 4 больных: полицейского служащего Гавриила Федорова, пожарных служащих Ефима Тимофеева, Александра Ершова и крестьянина помещицы Авериевой Андрея Нестерова, которые были «на лицо [в] ординарной»⁴⁰.

Лекарственные препараты для больных городской больницы закупались в Ростовской вольной аптеке. В частности, в 1823 г. аптекарь Иван Шредер продал в больницу капли «коричневые» за 1 руб. 20 коп., протоку для раны – 2 руб. 30 коп., капли «гафтановые» – 90 коп., капли «кислые галлеровые» – 60 коп., спирт нашатырный – 50 коп., «рвотные» порошки – 1 руб. 40 коп., «слабительные» порошки – 90 коп., капли «сонные» – 60 коп., а всего в мае 1823 г. больнице было отпущено лекарств на 14 руб. 40 коп.⁴¹ Наряду с этими препаратами выписывалась «грудная» трава, «летучая и алтейная» мази, «сублимат», «магнезия». 15 августа 1823 г. Вебер написал требование в думу на выдачу больнице бутылки простого вина, двух бутылей хорошего уксуса, 20 арш. холста для бинтов и компрессов,, 20 арш. тесемок «в палец ширины», «ветошек» полпуда, мыла 5 ф., масла льняного 2 ф., мела 1 ф. и 1000 булавок.

Содержание больных было платным, и в приходо-расходной книге больницы записывались все поступившие денежные средства и выданные на покупку различных материалов. Так, 2 октября 1824 г. в ней было записано: «Принять ведомства Московской кремлевской экспедиции от мастерового Петра Сафонова за находящегося в здешнем городском лазарете больного московского мещанина Якова Иванова... за двухмесячное содержание платы ходячею монетою сорок рублей»⁴².

В больнице тогда большей частью лечились служащие местной полицейской команды, за которых платило их ведомство. Из ведомости за май 1825 г. известно, что в ней находились служащие команды Наум Изосимов, поступивший 8 июня 1824 г., Степан Наумов – 18 марта 1825 г., Семен Юрыгин – 2 сентября 1824 г. Позднее к ним прибавились Тит Москвин – 10 мая 1825 г., Яков Лобанов – 12 мая 1825 г., Григорий Климов – 12 мая 1825 г.⁴³ Всего же за 1825 г. был пролечен 41 человек, в т.ч. служащих полицейской команды – 16, мещан г. Ростова – 3, крестьян Ростовского уезда – 4, служащих Ростовской инвалидной команды⁴⁴ – 1, крестьян Костромской губернии – 1, Романово-Борисоглебского уезда

Ярославской губернии — 1, отставных солдат — 2, «солдаток» — 2, дворовых людей — 3, «прусского ведомства» — 1 человек⁴⁵.

Помимо врача (в 1827 г. штаб-лекарем был Никольский), в больнице служили коллежский регистратор Дмитрий Смирнов, сторож Никита Люткин (мещанин), прачка и кухарка Авдотья Харламова (канцелярская вдова). Для отопления помещения больницы пятью печами в 1825 г. было куплено 35 саж. дров по 6 руб. 50 коп. за саж., а всего затраты на отопление составили 227 руб. 50 коп.⁴⁶

На рубеже 1820–1830 гг. в Ярославской губернии имели место страшные эпидемии оспы и холеры. 2 апреля 1829 г. Ярославский губернский оспенный комитет направил ростовскому городскому голове Титову предписание за № 3542, в котором предлагал избрать кандидатов из жителей города для обучения их приемам оспопрививания. Наряду с этим, комитет выслал распоряжение Ярославского губернского оспенного комитета от 9 февраля 1829 г. со списком, где указывалось общее количество оспопрививателей в населенных пунктах, из расчета 1 на 1000 жителей⁴⁷. В рапорте губернатору (июнь 1829 г.) Титов сообщил, что в Ростове имеется оспопрививатель Василий Григорьевич Юров⁴⁸, получающий жалование «из городских доходов 100 руб. в год»⁴⁹. Узнав о том, что городу нужен еще один оспопрививатель, Юров написал 5 июля 1829 г. письмо в городскую думу, в котором предложил не назначать второго оспопрививателя, а оставить его одного, но при этом увеличить жалование до 200 руб. в год⁵⁰. Свое решение он мотивировал тем, что проводил оспопрививания с 1815 г. исправно и без замечаний, и в дальнейшем может выполнять эту работу один. Несмотря на то, что городская дума и Ростовский оспенный комитет согласились с предложением Юрова, губернатор просьбу думы отклонил⁵¹.

22 сентября 1830 г. в думу было направлено письмо Ростовского оспенного комитета для принятия мер предосторожности против холеры, имевшей место в Ярославле и Рыбинске. Помимо этого, комитет сообщал, что на основании предписания губернатора 5 сентября 1830 г. при ростовской дворянской опеке открыт комитет, который будет ведать различными вопросами, связанными с грозной эпидемией⁵². Одним из мероприятий против эпидемии в городе стало открытие небольшой холерной больницы, снабженной стараниями купцов Николая Хомякова и Якова Старчикова необходимым оборудованием на сумму в 305 руб.⁵³ Понесенные денежные затраты впоследствии были возвращены им из городских средств. 20 декабря 1830 г. при Ростовской городской думе была учреждена комиссия⁵⁴, следившая в городе за противоэпидемическими мероприятиями, направленными против холеры⁵⁵.

К 11 апреля 1834 г. городская больница имела 16 кроватей, а к 1 мая этого года в ней находились на лечении двое мужчин и три женщины, содержащиеся за счет средств из городских доходов⁵⁶. Для пополнения больницы предметами обихода гласный думы Петр Иванов передал 3 сентября 1834 г. надзирателю больницы унтер-офицеру Ивану Родионову

14 тюфяков «тиковых», 16 одеял летних из белого «канифасу», 16 простыней из «фланского» полотна, 16 халатов «фризовых», 24 халата и 7 одеял из темно-зеленого сукна, 30 ложек оловянных «хлебальных»⁵⁷. Лекарственные препараты больница покупала в Ростовской вольной аптеке у провизора Шрейбера (в 1850 г. вольной аптекой заведовал провизор Штумф⁵⁸), где в феврале было куплено лекарств на 195 руб., в мае — на 191 руб., а декабря — на 218 руб.⁵⁹

В 1837 г. дума выделила на содержание больницы 6978 руб., в т.ч. на жалование прислуге — 537 руб., на обувь, одежду, постели, продукты питания и стирку белья — 2803 руб., посуду и вещи по хозяйству — 92 руб., отопление и освещение — 226 руб., погребение умерших⁶⁰ в больнице — 488 руб., приобретение медикаментов — 1868 руб., припасы для приготовления лекарств — 822 руб., канцелярские расходы — 55 руб., чистку ретирад и других нечистот — 68 руб. и на починку здания — 19 руб., а в 1848 г. на содержание больницы было выделено 1513 руб., в т.ч. на жалование прислуге — 238 руб., продукты питания больным стоили 404 руб., одежда, обувь, постели и стирка белья — 151 руб., посуда и вещи по хозяйству — 92 руб., отопление — 214 руб., погребение умерших — 59 руб., приобретение медикаментов и припасов для приготовления лекарств — 240 руб., освещение и окуливание комнат — 46 руб., посуда и вещи по хозяйству — 60 руб., покупка бумаги, чернил и переплет медицинских книг — 9 руб.⁶¹ Городская дума вела строгий учет всех вещей и продуктов питания, а отчеты о работе больницы ежегодно 1 марта представлялись в Ярославский приказ общественного призрения⁶².

Выполняя предписание губернатора, ростовский городничий 5 апреля 1848 г. предложил думе закрыть холерную больницу, а дом, где до этого был острог, «принять в свое ведомство, как равно и принадлежности в оном как-то столы и разное белье»⁶³. В этот же день дума направила в помещение бывшего тюремного острога гласного думы Якова Привалова, для принятия им по описи всего находящегося там имущества. Следует отметить, что к 14 октября 1848 г. при этом доме крестьянин Сергей Васильев с плотниками вотчины Бачичхаровой сельца Лупцова Суздальского уезда построил временную баню и ретирадное место за 39 руб.⁶⁴

Примечательно, что продукты питания для больных закупались думой в Ростове, а сведения о них предоставлялись в Ярославский приказ общественного призрения. Из них видно, что в 1844 г. молоко и капуста (кружка) стоили 10 и 3 коп., ведро капусты — 30 коп., четверть картофеля, лука репчатого, гороха — 1 руб. 60 коп., 2 руб. 10 коп., 7 руб. 38 коп., стопа голландской и сырой бумаги стоила 5 руб. 16 коп., 4 руб. 30 коп., штоф рейнского уксуса — 25 коп., а ведро красного — 50 коп., беловые книги в «одну десять», «две десять» и «три десять» — 30 коп., 55 коп. и 70 коп., сотня коченей капусты — 5 руб., десяток пивков — 3 руб., веники и яйца — по 10 коп., аршин клеенки — 50 коп., холст толстый — 8 коп. и тонкий — 6 коп., сукно для чулок — 80 коп., «выбойка бухарская» — 10 коп., ситец — 20 коп.,

пара кожаных «босовиков» и шерстяных чулок — 1 руб. 80 коп. и 25 коп., шерстяной кушак — 30 коп., порожний соляной куль — 15 коп., ковш «белого железа» — 20 коп., подсвечники: железный — 10 коп. и медный — 30 коп., деревянная лопата — 5 коп., ножницы — 40 коп., ухват — 15 коп., роговая гребенка — 5 коп., гроб — 80 коп., глиняная кружка — 6 коп., умывальник — 70 коп., «шайка» — 1 руб. 20 коп., ушат — 75 коп., сито — 30 коп., счеты — 60 коп. (серебром)⁶⁵.

Из прихода-расходной книги больницы известно, что в январе 1847 г. березовые дрова в количестве 26 сажень для отопления больницы поставлял крестьянин с. Скнятиново Дмитрий Болашов по 2 руб. за саж.; в январе 1847 г. белый хлеб в количестве 11 пуд. 14 фунт. продал крестьянин Колязинского уезда деревни Жуковка Гаврило Байдаков (по цене 1 руб. 35 коп. за пуд); ржаной хлеб — 7 пуд. 16 фунт. — ростовский мещанин Иван Мельников (45,71 коп. за пуд); пиявки для лечения больных в количестве 58 штук — лекарский ученик Петр Полетаев (по 20 коп. за 1 шт.); священнику церкви Архидьякона Стефана г. Ростова о. Симеону за погребение 5 человек, умерших в больнице было выдано 35 коп. (по 7 коп.), за 5 молитв — 30 коп. (по 6 коп.), за венчики — 15 коп. (по 3 коп.), за свечи восковые — 50 коп. и ладан — 25 коп.; ростовский мещанин Андрей Сыров в феврале 1847 г. продал для больницы капусту кислую, рубленую 80,5 кружек (по 2 коп. за кружку), молоко свежее 3 кружки (по 3 коп. за кружку), картофель 3 четверика (по 17,25 коп. за четверик) и лук репчатый 1 четверик (по 2 руб.); в июле 1847 г. ростовский купец Кесарий Сорокин — свежую говядину 1 сорта в количестве 11 пуд. 23 фунт. (по 2 руб. за пуд.)⁶⁶.

По описи движимого имущества больницы за 1850 г. в ней значились три иконы: Знамение Пресвятой Богородицы, Казанская Богородица и образ св. Николая Чудотворца, 20 железных и 14 деревянных кроватей, 25 столов, 40 плевательниц, 69 мужских и 18 женских рубах, для сумасшедших 2 рубахи и 2 подштанников, 20 холщевых матрацев, набитых конским волосом (имели 20 тиковых чехлов) и 17 матрацев, набитых соломой и «мочалой», 39 подголовников, набитых конским волосом и 14 «мочалой», 112 простыней и пододеяльников, 131 верхних холщевых, 99 тиковых и 17 нижних холщевых наволочек, 23 пары кожаных башмаков, 69 туфель, 83 холщевых и 49 суконных чулок, по 40 холщевых и «мухояровых» наконечников к кроватям, 2 «клюки», по 3 сита и решета, 2 корыта (для порций и капусты), 4 железных и 6 деревянных ведер, 3 ступки с пестиками (чугунная, медная и мраморная), 3 чаши для посуды, 7 кадок для воды, 2 чугунных котла, 4 корыта для стирки белья, 3 ушата, 1 железная ванна, 18 деревянных досок на окна, 5 деревянных шкафов, буфет и 5 «вислых» замков⁶⁷.

В 1851 г. больница отапливалась при помощи 13 печей (9 голландских в больничных палатах, 1 русская с плитой для приготовления медикаментов, 2 русские с очагами на кухне и прачечной и 1 в бане), для которых нужно было 106 саж. дров, в т.ч. 80 саж. осиновых (2 руб. 30 коп. за саж.) и 26 саж.

березовых (3 руб. 15 коп.) на 216 руб. 90 коп.⁶⁸ На освещение в течение 8 месяцев требовалось 2 пуда сальных свечей, стоивших 7 руб. 47 коп.

Персонал больницы содержался на средства города, из которых врач получал 257 руб. в год и 85 квартирных, смотритель — 175 руб., письмоводитель — 150 руб., 2 писаря — по 70 руб., старший фельдшер — 100, а младший — 70 руб., надзиратель — 72, 3 сторожа — по 60 руб., кухарка — 34 руб., прачка — 28 руб. и служащие больницы («женского пола») — 28 руб.⁶⁹ Помимо денег, некоторые служащие больницы получали и вещи. Так, сроком на год 2 фельдшера получали на сюртук однобортный, брюки и жилет темно-зеленого сукна 11 арш. (1 руб. 30 коп. 1 арш.), коленкор на подкладку 6 арш. (15 коп. арш.), холст на подкладку 24 арш. (5 коп. арш.), галун на воротник 1 арш. 12 верш. (64 коп. арш.), пошив с кантом и форменными пуговицами (8 руб. 50 коп.) 2 комплекта, брюки летние из «флимского» полотна 4 арш. (30 коп. арш.), холст на подкладку 4 арш. (5 коп. арш.), пошив 2 брюк (80 коп.), фартуки (по 4 холста 4 арш. каждый) 32 арш. (8 коп. арш.); на 3 года — шинель темно-серого сукна 8,5 арш. (1 руб. 30 коп.), холст на подкладку 10 арш. (5 коп. арш.), пошив с кантами и пуговицами (3 руб.), по суконной фуражке с кантом (1 руб. за каждую)⁷⁰.

Примечательно, что в медицинской службе города состояла сверх штата повивальная бабка Татьяна Иванова, прослужившая в должности акушерки 32 года (на январь 1862 г.) и получавшая «жалование» из городских средств 13 руб. в год и 28 руб. «квартирных»⁷¹.

Согласно журналу, в 1850 г. за помощью в больницу обратились 155 человек, которым было выписано 182 рецепта на лекарства (некоторым несколько раз)⁷². Лечение было платным и стоило, по тем временам, немалых денег. Об этом можно судить на основании письма за № 2594 ростовского городничего Манштейна, который 19 мая 1851 г. известил думу о передаче игуменьей Ростовского Рождественского девичьего монастыря м. Павлой 5 руб. серебром за лечение в больнице крестьянской девки Анны Васильевой, находившейся в монастыре на церковной епитимии⁷³ (была в больнице с 15 по 25 марта 1851 г.⁷⁴). Поэтому не случайно 3 августа 1851 г. при Ростовской городской больнице был открыт попечительный совет⁷⁵.

Письмом за № 339 от 6 июня 1851 г. ростовский городничий уведомил думу о результатах осмотра общественного дома, в котором помещались пожарный двор, городская больница и приходское училище. Он нашел здание довольно «ветхим», а надстроенная над домом каланча, по его сведениям, во время ветра имела «отклонения на стороны... что... угрожает падением»⁷⁶. 9 июня 1851 г. дума обратилась в Ярославскую губернскую строительную и дорожную комиссию с просьбой освидетельствования этого здания и составления сметы на его ремонт. В ответ на просьбу городской думы в Ростов выехал губернский архитектор Мыльников, и после осмотра здания подготовил 18 июня 1851 г. свидетельство за № 32, где подробно указал все необходимые для ремонта работы.

На основании заключения архитектора и указания городничего дума распорядилась перевести «городскую больницу, хоть на временно, в общественный дом, занимаемый прежде холерною больницею с некоторою починкою»⁷⁷. Рапортом от 20 июня 1851 г. за № 312 она уведомила об этом ярославского гражданского губернатора Алексея Петровича Бутурлина, а письмом за № 1065 в тот же день и ростовского городского врача Самарина. Указом от 22 июня 1851 г. дума обязала смотрителя и эконома больницы Владимира Петрова перевести больницу в здание бывшей холерной больницы. 23 июня 1851 г. старший ростовский уездный врач Дезидериев уведомил управу о произведенном им осмотре здания бывшей холерной больницы и сообщил, что оно не удобно для размещения там стационара⁷⁸. По его сведениям, здание имело две небольшие комнаты, в которых протекал потолок. Кроме этого, в нем не было помещений для размещения больных женщин и хранения больничного белья, а также бани, сарая и прачечной.

На основании заключения Дезидериева управа написала 23 июня 1851 г. рапорт за № 320 вице-губернатору Зиновию Алексеевичу Богданову, в котором сообщила о решении арендовать помещение для городской больницы у частного лица⁷⁹. В этот же день она уведомила об этом и врача Дезидериева. Узнав о решении городской думы взять в наем здание, ростовский купец 3-й гильдии Степан Михайлович Коньков написал 28 июня 1851 г. «объявление», в котором предложил управе 2-й этаж его деревянного дома на Никольской улице с сараем, баней, амбаром, погребом и флигелем за 190 руб. в год⁸⁰.

Рапортом от 29 июня 1851 г. городская дума сообщила Богданову об обращении 20 июня 1851 г. в губернскую комиссию на приведение «в безопасное устройство находящейся... в городе каланчи... или к сломке оной», ответа на которое она так и не получила⁸¹. Одновременно она сообщила губернатору, что за отсутствием в городе свободных общественных домов, решено арендовать здание у частных лиц, ссылаясь на требования городничего сломать каланчу и вывести больницу в другое место. В сложившихся условиях дума приняла предложение Конькова арендовать его дом за 190 руб. годовых и указала городскому врачу Самарину, смотрителю и эконому больницы Владимиру Петрову (купеческий староста) «о переводе ныне же оной в указанный дом купца Конькова»⁸². Дума отметила также в рапорте, что все ее указания сделаны без разрешения губернатора, но обосновывала свои действия разрушением каланчи, которая «села к низу и от этой осадки два переклада сверху лопнули, отчего она грозит опасностью падением»⁸³. Отношением № 4370 от 29 июня 1851 г. губернатор разрешил Ростовской думе перевести больницу в дом Конькова «за выпрошенную им цену 190 рублей серебром в год»⁸⁴.

28 июня 1851 г. Самарин написал в думу письмо за № 45, в котором сообщил об осмотре бывшей холерной больницы врачом Дезидериевым, а также им самим вместе с начальником инвалидной команды майором

Долговым. По результату осмотра Самарин указал: «...Не принимая также на свою ответственность опасности от ветхости дома занимаемого больными... без разрешения своего начальства, по требованию городской думы, в такой дом перевести больных не могу»⁸⁵. Кроме этого, он осмотрел также и помещения купца Конькова, о чем сообщил думе 29 июня 1851 г. письмом за № 47, где отметил, что 2-й этаж деревянного дома имеет 6 небольших комнат, а на 1-м проживают жильцы, заявив, что «в больничном доме не позволяется никому иметь жительство, кроме должностных лиц»⁸⁶. Впрочем, по его мнению, даже если выселить жильцов 1 этажа, то и тогда помещений не будет достаточно для размещения в них 20 человек больных. В связи с этим он просил управу повременить с переводом больницы в это здание, а больных перевести на другую половину Спирцовского дома⁸⁷, ближе к комнатам 2-го приходского училища, чтобы обеспечить им безопасность на случай падения каланчи⁸⁸.

28 июня 1851 г. ростовский городничий Манштейн в письме за № 391 указал городскому голове Ивану Федоровичу Кекину на то, что каменный корпус с каланчей, по свидетельству архитектора Мыльникова, находится в аварийном состоянии, и находящиеся в нем люди могут пострадать. Он просил Кекина сломать каланчу, а также перевести «из корпуса больных в другое удобное и безопасное помещение»⁸⁹. В ответном письме Кекин сообщил Манштейну о намеченном переводе больных в дом купца Конькова на Никольской улице, и попросил городничего принять необходимые меры предосторожности, запретив проход людей возле каланчи и внутри пожарного двора.

В сложившихся условиях дума 29 июня 1851 г. предложила смотрителю больницы Петрову и врачу Самарину осмотреть дом почетного гражданина, купца Петра Васильевича Хлебникова, находящегося в приходе церкви Рождества Богородицы-на-Горицах, отметив, что если Самарин «найдет его удобным для помещения городской больницы, то распорядился б... о переводе оной в него»⁹⁰. Осмотрев предложенное здание, Самарин 30 июня 1851 г. письмом за № 49 сообщил о том, что нашел дом «совершенно удобным для помещения в оном здании городской больницы, сего числа перевел оную... в помянутый дом купца Хлебникова»⁹¹.

14 июля 1851 г. Ростовская городская дума рапортом № 367 уведомила губернатора, что, несмотря на его разрешение перевести больницу в дом Конькова, она переведена 30 июня 1851 г. в дом П.В. Хлебникова. Свои действия дума обосновала заключением врача Самарина, признавшего дом Конькова непригодным для размещения в нем больницы и решением Хлебникова «отдать в наем для помещения городской больницы означенный свой дом со службами при нем, с получением от думы той суммы, какую получал из квартирной комиссии на помещение в нем военного лазарета, то есть по шестидесяти пяти рублей серебром в месяц» без ограничения во времени нахождения больницы в этом доме⁹². В связи с этим дума просила разрешения у губернатора занять это здание под

больницу с оплатой 65 руб. в месяц. По-видимому, указанная в рапорте сумма не устроила губернатора, и он предписанием за № 2280 от 30 июня 1851 г. указал предоставить в распоряжение губернского архитектора Мильникова необходимые сведения для составления сметы на ремонт здания, занимаемого пожарной командой и городской больницей. Он отметил также, что больница в Ростове «будет помещаться в особо имеющемся устроиться здании»⁹³. Предписание губернатора было рассмотрено на журнальном заседании 9 ноября 1851 г., в ходе которого дума отметила, что часть помещений 2-го этажа Спирцовского дома занимает второе приходское училище г. Ростова, брандмейстер, а комнаты городской больницы пусты. Наряду с этим, в здании имеются казармы пожарных служителей и переведенное в него полицейское управление. Дума решила разместить городскую больницу в общественном 2-этажном каменном доме, который был занят городской полицией, квартирной комиссией и квартирой городничего, а второе приходское училище перевести из Спирцовского дома в здание, предназначавшееся ранее под городскую больницу⁹⁴. В этом доме, после ремонта помещений и постройки новой каланчи, должны были остаться квартиры городничего, полицейское управление, квартирная комиссия, пожарная служба. О принятом решении дума рапортом № 2230 от 30 июня 1851 г. поставила в известность Ярославскую губернскую строительную и дорожную комиссию, которая, в ответ на это, командировала в Ростов помощника губернского архитектора Блеклова для составления сметы всех необходимых строительных работ. В помощь архитектору, по его просьбе, были выделены рассыльные думы Степан Зайков и Гавриил Васильин. По результатам осмотра зданий Блекловым, губернская комиссия направила 18 июля 1851 г. в думу письмо за № 2693, в котором сообщала, что отведенный думой дом для городской больницы находится «в прочном состоянии, кроме надворных построек», но, т.к. здание находится на берегу озера, в летнее время от стоячей воды и большого количества «насекомых, издыхающих... бывает дурной запах»⁹⁵. Кроме этого, по мнению комиссии, близость дома к мясным лавкам и сальному заводу противоречила Уставу о лечебных учреждениях от 1 января 1851 г., по которому здание больницы должно располагаться не в низине, а на возвышенном месте и вдали от больших прудов. Предложения комиссии⁹⁶ были рассмотрены 16 октября 1852 г. на заседании думы, где она вновь подтвердила свое прежнее решение о размещении больницы в доме городского, городской полиции и квартирной комиссии возле о. Неро⁹⁷. Однако, губернская дорожная и строительная комиссия так и не приняла к рассмотрению решение Ростовской думы.

Из-за отсутствия собственного здания, дума вынуждена была с 1852 г. нанимать для больницы деревянный дом у почетного гражданина П.В. Хлебникова за 780 руб. годовых, а для отопления помещений при помощи 20 печей город вынужден был покупать 167 саж. дров, которые к 1860 г. стоили около 400 руб. серебром⁹⁸. При этом здание не отвечало

необходимым требованиям, предъявляемым к больничным заведениям. В частности, часовня с умершими в больнице находилась в ветхом сарае, тогда как согласно Уставу лечебных заведений, лечебница должна была иметь покои для хранения тел и проведения анатомических исследований. Учитывая это, дума на заседании 16 февраля 1854 г. решила просить губернскую комиссию уведомить ее «какой потребуется капитал на перестройку с фундамента Спирцовского дома для помещения в нем всего полицейского управления, а также для устройства вновь городской больницы»⁹⁹. В ответ на обращение думы, губернское правление письмом за № 1230 от 27 февраля 1854 г. сообщило, что стоимость строительных работ будет составлять не менее 50000 руб. серебром¹⁰⁰. Поэтому 13 декабря 1854 г. комиссия запросила согласия городского общества Ростова «на постройку нового здания для больницы и имеются ли... достаточные средства на составление проекта»¹⁰¹. 15 декабря 1854 г. дума рассмотрела журнальным заседанием предложение комиссии и приказала: «...Настоящее предписание... комиссии объявить городскому обществу в первобудущее собрание оно, требуя отзыва через заручный приговор»¹⁰². На проходившем 28 апреля 1854 г. собрании городского общества был вынесен приговор, который подписали 67 человек, в т.ч. купцы Иван Кекин, Всеволод Мальгин, Иван Говядинов, Иван Хранилов и др., мещане Алексей Пономарев, Дмитрий Мельников, Федор Бабурин, Николай Филатов и другие¹⁰³. Они решили согласиться с предложением думы о выборе здания для размещения в нем больницы. Приговор этого собрания был подтвержден 14 декабря 1856 г., когда городское общество высказалось за размещение больницы возле озера, потому что Устав предусматривал размещение больниц на возвышенных местах только для вновь стоящих зданий, а не для приспособляемых. В связи с этим губернская комиссия, по-видимому, отказалась от переоборудования этого дома под больницу и отдала подряд на перестройку Спирцовского каменного дома купцу Шуперкину за 12990 руб.¹⁰⁴, но выполнить строительные работы ему не удалось.

Девятилетний наем дома у почетного гражданина купца П.В. Хлебникова¹⁰⁵ за весьма высокую плату недвусмысленно указывал, что такие затраты весьма ощутимы для городского бюджета, при этом помещения арендованного дома были совсем неудобны для городской больницы¹⁰⁶. В частности, во время зимних ветров, несмотря на значительный нагрев печей, тепла в больничных палатах было недостаточно. Из-за отсутствия помещения для часовни, умершие в больнице переносились в ветхий сарай, в котором не было необходимого отопления в холодное время года для анатомических исследований. Ретирадные (отхожие) места при доме также отсутствовали, поэтому больные зимой справляли естественные надобности прямо в палатах, от чего в комнатах стоял тяжелый запах, и было трудно поддерживать их в «опрятности». Отсутствовала и «удобная прачечная». Больные женщины с различными заболеваниями, и даже зараженные венерическими болезнями, ютились в одной тесной палате

с низким потолком, что также отрицательно сказывалось на их лечении. Тяжелобольные с хроническими заболеваниями были лишены прогулок на свежем воздухе в летнее время года, несмотря на то, что при занимаемом больницей доме находилось «довольно обширное пространство луговой земли, засаженное деревьями»¹⁰⁷. Однако, включить эту землю в условия договора П.В. Хлебников отказался, несмотря на то, что являлся попечителем больницы и обязан был делать все от него зависящее, чтобы больные чувствовали себя уютно и не имели излишних стеснений.

Принимая во внимание все вышеуказанные неудобства, ростовский уездный предводитель дворянства Александр Николаевич Бабкин¹⁰⁸ обратился в апреле 1860 г. к начальнику Ярославской губернии Алексею Петровичу Бутурлину с просьбой постройки «навсегда здания для больницы в г. Ростове на городские суммы присоединив к оным... принадлежащий больнице капитал около 4 т[ысяч] руб. сер[ебром], хранящийся в Приказе общественного призрения»¹⁰⁹. Учитывая пожелания Бутурлина о подыскании для Ростовской больницы нового помещения, предводитель дворянства сообщил, что ярославский купец Литов согласен продать 2-х этажный дом с мезонином, 2-х этажный флигель, сад и «достаточное» количество земли при этих постройках¹¹⁰. Местонахождение этого дома было удобно для приспособления его под больницу. Несмотря на то, что он располагался в центре города на «Ильинке», дом находился в стороне от проезда тяжелых, шумных экипажей, что в немалой степени способствовало спокойствию больных, тогда как в занимаемом помещении купца П.В. Хлебникова шум с улицы постоянно досаждал им. Литов предложил городскому обществу купить его постройки за 10000 руб. серебром, и в них, по его мнению, могла разместиться также квартира городского врача, а во флигеле — «городская богадельня или другие благотворительные заведения»¹¹¹. Наряду с этим он отметил также, что почетный гражданин, ростовский 2-й гильдии купец Дмитрий Максимович Плешанов купил дом у купца Кекина с большим количеством земли при нем, и желает пожертвовать его под какое-либо богоугодное заведение. Принимая во внимание это обстоятельство, А.Н. Бабкин заметил: «Совершенно уверен, что если только угодно будет... при Вашем постоянном попечении к пользе губернии употребить Ваше начальническое влияние и содействие, то вероятно... Плешанов, движимый чувствами благотворительности не позволит себе отказать в сделанном ему предложении к пользам родного ему города Ростова»¹¹².

18 июля 1860 г. А.П. Бутурлин отношением за № 2475, по Приказу общественного призрения, предложил Бабкину предоставить дополнительные сведения относительно предполагаемого пожертвования почетным гражданином Д.М. Плешановым недавно купленного дома «под помещение Ростовской больницы... и не объяснило ли время, под какое богоугодное заведение Плешанов желает пожертвовать свой дом»¹¹³. В ответном письме он поставил в известность исправляющего

должность военного губернатора г. Ярославля и Ярославской губернии и гражданского губернатора генерал-майора, князя Алексея Васильевича Оболенского, что дом Д.М. Плешанова уже занят «по контракту для помещения нижних чинов Ростовской инвалидной команды»¹¹⁴ и других «более положительных» сведений о доме для больницы в г. Ростове у него нет. А.Н. Бабкин сообщил также, что за аренду дома у ростовского купца П.В. Хлебникова, который также является попечителем больницы, город платит большие деньги, а здание это совсем не приспособлено и «имеет много неудобств к спокойному помещению больных»¹¹⁵. В сложившихся условиях он предлагал, для экономии денежных средств, отремонтировать помещения, которые занимала городская больница до аренды этого здания, или, при возможности, купить или нанять другие. При этом было замечено, что предложенный бывший дом Морокуева, отданный в настоящее время под постой бригадного штаба квартирующей в городе артиллерийской бригады, весьма удален от центра и очень большой, что, в конечном итоге, повлечет большие расходы на аренду здания. В заключении А.Н. Бабкин предложил губернскому начальству приказать городскому голове А.А. Титову убедить купца П.В. Хлебникова «известного здесь капиталиста и тем более как попечителя больницы, ввиду пожертвования, уменьшить получаемую им плату за дом вместо 780 руб., по крайней мере, до 600 руб. сер[ебром]»¹¹⁶.

Учитывая неудовлетворительное состояние дома, занимаемого городской больницей, исполняющий обязанности начальника Ярославской губернии отношением за № 3813 от 27 сентября 1860 г. предложил предводителю дворянства «принять деятельные меры к приисканию для больницы другого помещения, которое бы... удовлетворяло условиям, изложенным в уставе лечебных заведений»¹¹⁷. Для того, чтобы ускорить решение вопроса по поиску подходящего помещения для нужд городского здравоохранения, А.Н. Бабкин в сентябре 1860 г. отношением за № 771 обратился к ростовскому городскому голове с просьбой о помощи. Из всех домов, предложенных городским головой в самое непродолжительное время, выбор уездного предводителя дворянства остановился на 2-х этажном доме Софии Николаевны Шульген¹¹⁸. В верхнем деревянном и среднем каменном этажах этого дома находилось 14 комнат, которые могли быть приспособлены под размещение 30 кроватей для больных мужского и женского пола. Под аптеку, контору, совет больницы, кухню, кабинет смотрителя больницы, комнату для приготовления лекарств, прачечную, сушилку и кладовые подходили помещения полуподвального со сводами, каменного нижнего этажа. Эти службы могли быть размещены в четырех больших, с отдельными топками, «куренях» и кладовых. Под цейхгауз подходили два «прекрасных сухих» чулана. Ретирадные места внутри, оштукатуренные, без печного обогрева были холодными, но доверитель С.Н. Шульген обязывался их утеплить путем обивки стен и потолка войлоком, при условии, если город арендует дом под больницу. При этом,

за наем всех построек запрашивалась сумма в 550 руб. серебром, что было значительно меньше, чем город платил П.В. Хлебникову.

Принимая во внимание хорошее состояние и большие площади нового дома, А.Н. Бабкин сразу же в сентябре 1860 г. отношением за № 876 доложил об этом исполняющему обязанности начальника Ярославской губернии: «Осмотрев... состоящий в г. Ростове на Введенской улице дом ростовской помещицы... Шультен оный в следующем состоянии: дом это выстроен в 1858 году, нижний и средний этажи каменные, а верх деревянный, топек в оном 15, из коих при помещении больницы может топиться не более 12»¹¹⁹. Учитывая неотложную потребность города в здании для городской больницы, он также запросил разрешение заключить контракт на аренду дома.

18 октября 1860 г. отношением за № 4257 А.В. Оболенский разрешил нанять дом С.Н. Шультен, при условии устройства теплых «отхожих мест», и незамедлительно перевести больницу в новое помещение, уведомив об этом Ярославский приказ общественного призрения. Его распоряжение было доведено до членов совета больницы 20 сентября 1860 г, но городской врач Константин Иванович Метелицин отказался немедленно приступить к перемещению больницы в дом на Введенскую улицу г. Ростова, мотивируя это тем, что недавно построенное, нежилое здание может иметь неисправные печи и сырость, что вредно для пребывания в нем больных. Для выяснения этого вопроса он предложил, чтобы дом был осмотрен инспектором Ярославской врачебной управы и губернским архитектором, и только после их «предварительного осмотра» в него можно переместить больницу. В сложившихся условиях А.Н. Бабкин в этот же день (отношение № 952) обратился к А.В. Оболенскому с просьбой командировать в Ростов инспектора врачебной управы и, если понадобится, то и архитектора, «поручив им вместе со мною и прочим членам совета освидетельствовать дом... Шультен и составить оному осмотру акт для хранения при доме»¹²⁰. В заключение письма отмечалось, что К.И. Метелицин всеми мерами отклоняет «перемещение больницы из дома купца Хлебникова, по непонятным... причинам, тогда как прежде сего неоднократно выставлял... на вид все неудобства оною для больницы»¹²¹.

Несмотря на многие трудности, 1 ноября 1860 г. удалось заключить «условия» на аренду дома С.Н. Шультен сроком на 3 года, которые в 1863 г. были продлены на следующее трехлетие. Однако, после принятия 12 января 1866 г. городской больницы в ведение Ростовского уездного земства¹²², было решено расторгнуть договор по окончании контрактного срока 1 ноября 1866 г.¹²³ При этом 11 октября 1866 г. земская управа предложила Ростовскому уездному земскому собранию вновь заключить договор на аренду дома П.В. Хлебникова¹²⁴ сроком на 3 года (с 1 ноября 1866 г. по 1 ноября 1869 г.) и к 22 октября 1866 г. закончить все ремонтные работы, чтобы освободить помещения, арендуемые у С.Н. Шультен. Затраты по приспособлению помещений должны были составить 750 руб.

Эти деньги управа прилагала к сумме найма дома и делила на 3 года, в результате чего получалось по 250 руб. в год, что с 750 руб. аренды здания составляло 950 руб.¹²⁵

Из всего вышеприведенного видно, что открытие стационара в г. Ростове Ярославской губернии внесло весомый вклад в дело оказания врачебной медицинской помощи не только населению края, но и жителям из других регионов. Из-за отсутствия специального здания больница постоянно размещалась в помещениях, которые приходилось приспособлять, что вынуждало городские власти подыскивать для нее подходящие дома, делать ремонт, а также покупать мебель. Это требовало значительных финансовых средств и сил, но, несмотря на трудности, больница не была закрыта, и на протяжении почти 70 лет многие больные получили в ней исцеление от различных заболеваний.

**

¹ См.: Трефолев Л.Н. Медицинская часть в Мологском уезде // Ярославские губернские ведомости. 1870. № 37; Васильев Д.И. О медицинской помощи в Ростовском уезде // Труды I съезда земских врачей Ярославской губернии. Ярославль, 1873; Титов А.А. Деятельность Ростовского земства по охранению народного здоровья с 1865 по 1876 год. Яр., 1876; Он же. Очерки 12-летней деятельности Ростовского земства // Вестник Ярославского земства 1879-1880 гг. №№ 85-92. Отд. 2; Богданов Л.Я. Вопросы земской медицины в Ростовском уезде // ЯГВ. 1888. Неофиц. часть. №№ 31, 40, 41, 66; 1889. Неофиц. часть. №№ 6, 7; Он же. Очерк постепенного развития земской медицины в Ростовском уезде Ярославской губернии. Чернигов, 1890; Он же. Ростовский уезд. Земско-медицинский сборник. М., 1892; Ивановский В.И. Вопросы земской медицины. Ярославль, 1903; Он же. Велико-Ростовский уезд Ярославской губернии в земско-медицинском отношении // Труды V съезда врачей и представителей земств Ярославской губернии. Яр., 1911; Курочкин Г.И., Ивановский В.И. О важнейших задачах и желательной постановке санитарного дела в губернии и практической санитарной деятельности. Ростов-Ярославский, 1911; Турбин В.В. О состоянии хирургической помощи населению Ярославской губернии в участковых больницах за 1909-1910 гг. // Труды V съезда врачей и представителей земств Ярославской губернии. Яр., 1911; Он же. О значении Ярославской губернской земской больницы в связи с общей постановкой медицинского дела в губернии // Там же; Курочкин Г.И. Проект сети врачебных участков и лечебниц Ярославского уезда. Яр., 1912; Голосов А.А. 50-летний юбилей Общества ярославских врачей и Волжской лечебницы (1861-1911 гг.). Яр., 1913; Новиков П.С. О состоянии земской медицины в уездах Ярославской губернии к 1914 году // Труды VI съезда врачей и представителей земств Ярославской губернии. Яр., 1914; Турбинин В.В., Херсонский В.А. Организация медицинской помощи в Ростовском уезде // Труды VI съезда врачей и представителей земств Ярославской губернии. Яр., 1914; Херсонский В.А. Об условиях работы служащего персонала в земских учреждениях Ярославской губернии // Там же; Васильева М.В. Становление системы здравоохранения в Ярославской губернии // Минувшее, сливаясь с настоящим...». IV Тихомировские краеведческие чтения. Яр., 1993; Волкова Т.И. Ярославское земство и народное здравоохранение в конце XIX в. // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. Яр., 1995. С. 82-85; Она же. Ярославское земство и развитие народного здравоохранения в Ярославской губернии (1865-1918 гг.) / Под ред. А.М. Селиванова. Яр., 1998; Она же. Становление и развитие земского здра-

вохранения в Ярославской губернии (1865-1917 гг.) Яр., 2001; Лозинский Б.Р. Земская медицина в уездах Ярославской губернии. Яр., 2000; Он же. Земская медицина в уездах Ярославской губернии. Яр., 2003. Кн. 6; Он же. Земская медицина в уездах Ярославской губернии. Яр., 2005. Кн. 9. Ч. 2; Байдакова Н.Н., Багитн С.А. Штрихи к истории Угличского здравоохранения // Лозинский Б.Р. Земская медицина в уездах Ярославской губернии. Яр., 2003. Кн. 6. С. 201-246; 225 лет на благо здоровью. Яр., 2003; Сапрыкин В.И., Сапрыкина С.В. Здравоохранение в Рыбинском крае в XVIII – начале XX вв. // Лозинский Б.Р. Земская медицина в уездах Ярославской губернии. Яр., 2003. Кн. 6. С. 130-200; Степанов К.А. Открытие больницы в с. Вошажниково // X Золотаревские чтения. Материалы научной конференции (19-20 октября 2004 г.) / Под ред. А.М. Селиванова. Рыбинск, 2004. С. 163-169; Он же. Открытие городской больницы в г. Ростове // СРМ. Ростов, 2005. Вып. XV. С. 194-198; Он же. Открытие больницы в г. Петровске // СРМ. Вып. XVI. Ростов, 2006. С. 292-302; Он же. Деятельность Ростовского земства Ярославской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Ростов Великий, 2008.

² РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 376. Л. 20.

³ Степанов К.А. Открытие городской больницы в г. Ростове. С. 196.

⁴ РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 376. Л. 6.

⁵ 225 лет на благо здоровью. С. 7.

⁶ РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 620. Л. 4.

⁷ Там же. Л. 4 об.

⁸ РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 615. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 1.

¹⁰ Там же. Л. 3.

¹¹ Там же. Л. 6.

¹² Там же. Л. 9.

¹³ Там же. Л. 15.

¹⁴ РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 683. Л. 1.

¹⁵ Там же. Л. 3.

¹⁶ Там же. Л. 5 об.

¹⁷ Там же. Л. 7.

¹⁸ Там же. Л. 8.

¹⁹ Согласно реестру, в больнице имелось следующее имущество: по 10 коек, наволочек больших и столько же «малых», подушек больших и столько же «малых», халатов тиковых, одеял суконных и тюфяков, 40 простыней холщевых, 4 фартука, 5 скатертей, 32 наволочки больших холстинных, 36 малых таких же, 20 рубах, 20 портов, 6 полотенец, 29 колпаков, теплые сапоги, «нагольный» тулуп и 20 пар чулок «нитяных». РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 893. Л. 42.

²⁰ Там же. Л. 43, 43 об.

²¹ Там же. Л. 44.

²² Там же. Л. 40.

²³ Там же. Л. 40.

²⁴ РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 907. Л. 151 об.

²⁵ Для того, чтобы разместить в здании острог, дума решила заложить кирпичом три входных проема в дом и 6 окон, а на 8 окнах установить металлические решетки. РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 907. Л. 151 об.

²⁶ РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 965. Л. 9.

²⁷ Там же. Л. 2.

²⁸ Там же. Л. 2 об.

²⁹ Там же. Л. 4.

³⁰ РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 960. Л. 108 об.

³¹ РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 965. Л. 9.

³² РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 960. Л. 121.

- 33 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1061. Л. 3.
34 Там же. Л. 5.
35 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1228. Л. 2.
36 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1098. Л. 14.
37 Там же. Л. 78.
38 Там же. Л. 111, 111 об.
39 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1228. Л. 2.
40 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1098. Л. 79.
41 Там же. Л. 94, 119.
42 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1174. Л. 1 об.
43 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1208. Л. 49 об., 50.
44 В ведомости о больных Ростовской инвалидной команды за март 1828 г. в больнице находились на лечении рядовые Алексей Загряцкий, Тимофей Козьмин, Козьма Берников, Михаил Попов, а также рядовой 5-го Егерского полка Андрей Телегин. РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1373. Л. 8 об.
45 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1242. Л. 1-29.
46 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1228. Л. 4.
47 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1458. Л. 8.
48 В 1849 г. мещанин В.Г. Юров 68 лет проживал во 2-м квартале г. Ростова на Московской улице в доме жены, мещанки Веры Егоровны Юровой 53 лет (продан из общего присутствия магистрата 13 октября 1835 г. за № 1725) и имел детей: Измаила 30 лет, Александра 25 лет, Григория 21 года, Любовь 15 лет. Сын Измаил был женат на Наталье Петровне 18 лет. РФ ГАЯО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 437. Л. 9 об., 10; Колбасова Т.В. Ростовский художник Василий Григорьевич Юров // СРМ. Вып. XV. С. 367, 375.
49 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1458. Л. 1.
50 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1467. Л. 1.
51 Там же. Л. 6, 6 об.
52 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1535. Л. 2.
53 Там же. Л. 47, 48, 50, 50 об.
54 На основании предписания губернатора от 5 ноября 1847 г. при Ростовской дворянской опеке 10 ноября 1847 г. был открыт Ростовский уездный холерный комитет. РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2460. Л. 1.
55 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1535. Л. 53.
56 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1758. Л. 33, 33 об.
57 Там же. Л. 65.
58 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2662. Л. 37.
59 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1880. Л. 7, 13, 27.
60 В 1823 г. погребение умершего в больнице послушника Ярославского Толгского монастыря Ивана Борисовича Смирнова стоило 10 руб. 26 коп. РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1098. Л. 53.
61 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1916. Л. 14, 14 об., 116 об.
62 См.: Свод уставов об общественном призрении. СПб., 1842. Т. XI. Ст. 56.
63 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2460. Л. 6, 6 об.
64 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2568. Л. 15.
65 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2473. Л. 55-56 об.
66 РФ ГАЯО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 887. Л. 1 об., 2, 4, 6, 9, 37.
67 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2708. Л. 1-32.; Д. 2825. Л. 3-5.
68 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2662. Л. 36 об.
69 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2825. Л. 15 об.-16 об.
70 Там же. Л. 16 об.-17 об.
71 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3497. Л. 2, 6.
72 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2710. Л. 1-19.; Д. 2711. Л. 1-10 об.
73 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2758. Л. 10, 10 об.

- 74 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2790. Л. 7 об., 8.
75 РФ ГАЯО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 487. Л. 4.
76 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2757. Л. 3, 3 об.
77 Там же. Л. 9.
78 Там же. Л. 20, 20 об.
79 Там же. Л. 21 об.
80 Там же. Л. 23.
81 Там же. Л. 31.
82 Там же. Л. 32.
83 Там же. Л. 32.
84 Там же. Л. 41.
85 Там же. Л. 29.
86 Там же. Л. 34.
87 Принадлежащий мещанину Спирцовскому каменный дом, находящийся в кремле Ростова в 52-м квартале под № 4, был куплен городом с публичного торга 6 июля 1820 г. за 17500 руб. ассигнациями. Прилегающая к нему земля куплена отдельно у мещанки Матрены Спирцовской 30 июля 1829 г. за 5000 руб. ассигнациями. Таким образом, в 1872 г. «под ним» к Рождественскому девичьему монастырю было 5 саж., а с двором 13,5 саж., в длину по «лицу» здания 31 саж. 2 арш., к городскому валу 33 саж. 1,75 арш., а от дома купца Н.И. Балашова 18 саж. 2 арш. Всего земли под домом и пожарным двором было 530 кв. саж. Так как дом был ветхим и без перестройки ни на какое употребление был не годен, то в 1872 г. городские власти наметили его к отделке заново под полицейскую часть, каланчу и помещение для брандмейстера. РФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 57. Л. 22 об.
88 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2757. Л. 34.
89 Там же. Л. 37.
90 Там же. Л. 27.
91 Там же. Л. 42.
92 Там же. Л. 47.
93 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2756. Л. 1.
94 Там же. Л. 5, 5 об.
95 Там же. Л. 14 об.
96 В марте 1852 г. был учрежден «Ростовский комитет об охране общественного здоровья», в который входил протоиерей Успенского собора о. Андрей Тихоринский, «по указному предписанию» из Ярославской духовной консистории. РФ ГАЯО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 77. Л. 6.
97 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2756. Л. 20, 21.
98 РФ ГАЯО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 681. Л. 1, 5.
99 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2756. Л. 27 об.
100 Там же. Л. 29, 29 об.
101 Там же. Л. 34, 34 об.
102 Там же. Л. 35.
103 Там же. Л. 38.
104 Там же. Л. 60.
105 По раскладочной ведомости налога с недвижимых имуществ г. Ростова за 1863 г. деревянный дом П.В. Хлебникова на каменном фундаменте, с мезонином, флигелями, надворной постройкой и землей находился на Рождественской улице в 41-м квартале. Оценочная стоимость строений составляла 2000 руб. РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3546. Л. 100 об.
106 С 1851 г. смотрителем Ростовской городской больницы был Николай Демьянович Покровский (уволен в июле 1861 г.), а городским врачом с 1857 г. — Константин Иванович Метелицин. РФ ГАЯО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 26. Л. 23, 54.
107 РФ ГАЯО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 681. Л. 5 об.

- ¹⁰⁸ Записанный в 3-ю часть Родословной книги Ярославской губернии, капитан в отставке, А.Н. Бабкин родился около 1811 г., окончил курс в Демидовском лицее г. Ярославля и был женат на вдове штабс-капитана Варваре Павловне Даниловой, но детей не имел. Как человек верующий в Бога, с 1 января 1848 г. был старостой церкви с. Любилки Ростовского уезда. РФ ГАЯО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 592. Л. 3, 21об., 22, 24 об., 25.
- ¹⁰⁹ РФ ГАЯО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 681. Л. 6.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 6.
- ¹¹¹ Там же. Л. 13.
- ¹¹² Там же. Л. 6 об.
- ¹¹³ Там же. Л. 3.
- ¹¹⁴ Там же. Л. 4.
- ¹¹⁵ Там же. Л. 4.
- ¹¹⁶ Там же. Л. 4 об.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 7.
- ¹¹⁸ По раскладочной ведомости налога с недвижимых имуществ г. Ростова за 1863 г. 2-х этажный дом (одна половина каменная, а другая деревянная) и рядом «особо» деревянный дом с надворными строениями и землею, принадлежавшие коллежской секретарше С.Н. Шульген, находились на Введенской улице в 5-м квартале. Оценочная стоимость строений была 4000 руб. за что она ежегодно платила 6 руб. налогового сбора в пользу города. РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3546. Л. 27, 28.
- ¹¹⁹ РФ ГАЯО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 681. Л. 9.
- ¹²⁰ Там же. Л. 12.
- ¹²¹ Там же. Л. 12 об.
- ¹²² Титов А.А. Деятельность Ростовского земства по охранению народного здравия с 1865 по 1876 год. С. 4, 5. Ростовское уездное земское собрание 5 мая 1866 г. заслушало доклад управы, в котором также сообщалось о принятии больницы 12 января 1866 г. РФ ГАЯО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 14. Л. 41. На журнальном заседании Ростовской уездной земской управы 19 января 1866 г. был заслушан доклад председателя управы от 13 января 1866 г. о том, что «он принял, по поручению управы, городскую больницу в заведывание земства... а... надзор за имуществом больницы передал на ответственность смотрителя больницы... Писемского». РФ ГАЯО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4. Л. 231 об.
- ¹²³ РФ ГАЯО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 14. Л. 130 об., 131.
- ¹²⁴ 31 октября 1866 г. все строения П.В. Хлебникова, принятые земством в аренду под больницу, были застрахованы от огня с уплатой страхового взноса 45 руб. 45 коп. РФ ГАЯО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 18. Л. 209.
- ¹²⁵ РФ ГАЯО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 17. Л. 39.

*Ил. 1. Дом бывший Софии Николаевны Шультен, сегодня улица Февральская, дом № 7.
Фото 3 января 2006. Семейный архив К.А. Степанова*